

А. И. Балабан

История и память в документальной прозе Гайто Газданова

Когда речь заходит о ярком представителе первой волны эмиграции во Франции Гайто Газданове, первым делом вспоминают его знаменитый роман «Вечер у Клэр», затем другие произведения этого же жанра, такие как «История одного путешествия» или «Призрак Александра Вольфа». Известно, что он автор многочисленных рассказов и блестящий литературный критик. Однако редко кто обратит внимание на то, что Газданов писал наравне с художественными и литературно-критическими произведениями документальную прозу. Речь идет об очерках, созданных сразу после окончания Второй мировой войны, и описывающих некоторых ее реальных участников и события с ними связанные. Писатель решил использовать документальный жанр для изображения этого периода истории и выражения своих мыслей о нем. Данный выбор представляется нам весьма необычным; это был единственный опыт автора по написанию документальной прозы, причины его мы и попытаемся определить.

Исследователи отмечают «документальный взрыв» в послевоенной литературе. Многие участники Второй мировой войны захотели оставить свидетельство о пережитых ими в военные годы событиях, о перенесенных лишениях и ужасах, о людях, с которыми довелось встретиться, и которых невозможно было забыть. Подобные «мемуарные бумы» происходили в литературе и в XIX, и в начале XX в., и «всегда они вызывались к жизни большими общественными сдвигами, потребностью освоить, осмыслить новую действительность»¹. Что касается периода Второй мировой войны, то данное явление особенно заметно при подсчете свидетельств, оставленных нам советскими людьми, как военными, так и мирными гражданами, которых затянуло в вихрь этой катастрофы. Еще во время боевых действий многие делали попытки справиться с реальностью при помощи записей происходящих на их глазах событий — достаточно вспомнить знаменитые блокадные дневники. После победы произошел еще более крупный слом в сознании участников войны, по-

**Балабан Алина
Ивановна,**
*аспирант,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург)*

сколько им нужно было учиться жить в мирное время, когда исчезла постоянная угроза для их физического существования. Люди, которые привыкли к жизни на острие ножа, для которых все кроме желания выжить отошло на второй план, теперь должны были возвращаться к насущным проблемам мирного времени: искать работу, строить жилища и т. д. В период войны данные вопросы казались несущественными. Людям необходимо было вернуться к своим воспоминаниям о войне, чтобы вновь почувствовать вкус жизни, возродить в сознании то, что перевернуло их представления о мире, о собственных возможностях, о высших ценностях. Помимо того, что при помощи памяти кто-то пытался преодолеть психологические травмы, нанесенные войной, существовала еще одна важная причина для появления многочисленных мемуаров о войне. Пережитые моменты оказались настолько яркими, впечатляющими и масштабными, что человек, втянутый в них, понял, что его жизнь может представлять реальный интерес для других: для современной публики, для будущих читателей, для истории. В своих воспоминаниях мемуаристы описывали события, оказавшиеся страшнее любого вымысла. Они рассказывали о поступках, своих или своих товарищей, которые были достойны благороднейших литературных героев. Они изображали жизнь более захватывающую и напряженную, чем во многих приключенческих романах.

Многие исследователи говорят о том, что советская проза 1950–60-х гг. опиралась на реальный факт². Это выражение несколько абстрактно. Можно ли говорить о том, что воспоминания, созданные участниками Второй мировой войны, достоверны, и их ценность для исторической науки не вызывает сомнения? Или их должно причислить к художественной литературе, которую ученые то включают в перечень источников исторической информации, то исключают из него? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к определениям документальной прозы, приводимым в работах авторитетных литературоведов.

Советский исследователь Я. И. Явчуновский включает в понятие «документальная литература» «романы-мемуары, документальные повествования об определенном периоде жизни автора-героя, книги путешествий, рассказы-исследования о героях и событиях»³. В. Б. Шкловский также расширительно трактует понятие «документализм» в литературе, считая, что в основе своей советская проза документальна⁴. Многие литературоведы вслед за Шкловским и Явчуновским приходят к мнению о том, что документальная проза представляет собой искусство, воспроизводящее реальные факты, а «жанрообразующими являются такие факторы, как авторская индивидуальность, изменение характера действительности, способы характеросложения»⁵. Природа произведения искусства непременно предполагает субъективное начало. В документальной прозе оно проявляется в принципах авторского отбора, оценки, авторской концепции действительности. Документальный пласт, в них представленный, — это в основном встречи, воспоминания, наблюдения автора. Они личностны и субъективны⁶. Из этого следует, что документальная проза в силу присутствия личности автора может быть приравнена к художественному произведению.

Основное отличие, касающееся достоверности описываемых событий, на наш взгляд, состоит в следующем: если автор заявляет, что его произведение документально, он берет на себя ответственность перед читателем. В предисловии, которым Газданов предваряет свою серию очерков, писатель говорит: «В этой книге нет ничего вымышленного. Все факты, которые в ней приводятся, происходили в действительности. Все лица существовали в действительности. Все, что я описываю, я либо видел собственными глазами, либо знаю со слов непосредственных участников событий или по их письменным показаниям, либо, наконец, мне это известно по официальным документам.

Ответственность за все написанное я принимаю на себя. То, что я написал, я написал без чьих бы то ни было советов или указаний. Поэтому все настоящие имена героев этой книги заменены вымышленными, кроме имен тех, которые погибли и памяти которых я ее посвящаю»⁷.

Интересен тот факт, что для большинства французских писателей, которые сами являлись очевидцами и участниками разразившейся катастрофы, характерно обращение к художественным жанрам в описании событий, связанных со Второй мировой войной. Возможно, это связано с тем, что для французов существовали некие табу в изображении данного периода. «Роман стал неким способом приспособления к данной исторической травме: условный характер произведения позволяет писателю защитить коллективную память, при этом отмечая неверное поведение отдельных людей и народа»⁸. То есть в романах французских авторов, создававших свои произведения в ближайшие 10–20 лет после окончания Второй мировой войны, присутствует некая недоговоренность, возникшая из нежелания освещать прежде всего проблему коллаборационизма и, возможно, утрату «памяти». Эта недоговоренность не свойственна документальной прозе, к которой обращается Газданов.

Л. Н. Гумилев в своей статье «Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником?» говорит, что первостепенное значение для определения достоверности произведения имеет цель, ради которой оно написано⁹. Из предисловия к «На французской земле» можно заключить, что данное творение создано для того, чтобы оставить в памяти грядущих поколений героические поступки советских партизан. Газданов был вхож в среду военнопленных, сбежавших из немецких концлагерей, его вклад в подпольную борьбу с фашизмом позволил ему заслужить уважение и доверие со стороны других русскоговорящих деятелей сопротивления. В своем произведении автор передает нам сокровенные сведения (они не каждому открывались, что сам автор не раз подчеркивал) из жизни тех самых борцов, противостоявших немецкому режиму из подполья, которые они поведали писателю в личных беседах. Он не пытается говорить от их лица. Прежде всего, в каждом из очерков мы видим самого Газданова. Это касается выбора того или иного эпизода из жизни какого-либо героя (о каждом из своих персонажей он наверняка знал значительно больше, нежели написал).

Писатель часто указывает на различия в менталитетах француза и русского. Принадлежит в равной мере к двум этим средам, он остро чувствует несоответствие в представлениях об одних и тех же вещах и понятиях у представителей двух разных народов. Например: «Я подолгу разговаривал с советскими партизанами обо всем, что приходило в голову; и нельзя было не заметить той огромной, непроходимой разницы, которая существует между системой их понятий и тем, что можно было бы назвать среднеевропейскими социальными и экономическими концепциями. Они не могли понять, как кафе или магазин могут принадлежать какому-то частному человеку, как электричество или газ могут не быть собственностью государства, как вообще возможна та экономическая анархия, которая, по их мнению, была особенно характерна для Европы, и в частности для Франции...¹⁰»

Газданов вносит в произведение множество личных размышлений, так или иначе связанных с темой повествования, но никогда не отступает от своей главной задачи: спасти от исчезновения память о героических поступках советских партизан. В конце он говорит: «Может быть, мы бессильны против неизбежности забвения. Но я считаю, что мы не имеем на это права. И я думаю также, что страна, за которую они умирали в чужих, европейских пространствах, окруженные со всех сторон вражескими войсками, в таком страшном русском одиночестве, что эта страна тоже не должна и не может забыть их далекого и смертельного героизма»¹¹.

Примечательно, что автор не говорит об истории и не пытается при помощи своего произведения возвести описываемые события в ранг исторически значимых фактов. Для него важнее, чтобы люди и события, происходившие с ними во время войны, остались в коллективной памяти. Исходя из популярной сегодня концепции «мест памяти», автором которой является французский историк Пьер Нора, мы видим разницу между понятиями «история» и «память». «Память — это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии... История — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же — это репрезентация прошлого», — пишет Нора в коллективной монографии «Места памяти»¹².

Амнезия, забвение — характеристики памяти, а не истории, и для писателя имеет первостепенное значение именно память, во имя которой написано произведение. В документальной прозе под названием «На французской земле» кристаллизовалась память Газданова, то есть она стала «местом памяти». Автор закончил работу над очерками в мае 1945 г. Из головы или, возможно, души (неизвестно, что является вместилищем воспоминаний человека) писателя еще не успели стереться мелкие детали. Он очень подробно описывает значимые для него события и встречи, людей и их привычки. В то же время он неоднократно подчеркивает, что рассказывает о событиях хотя и недавних, но уже пережитых: «Теперь, когда

все это кончено, это может показаться менее сложным, чем было, потому что всякая последовательность событий, которую мы рассматриваем ретроспективно, невольно приобретает характер естественного развития фактов; каждый последующий вытекает из предыдущего, и нам начинает казаться, что иначе быть не могло. Это происходит, надо полагать, потому, что мы теряем из виду два основных фактора всякой деятельности такого рода — неизвестность и будущее, а не прошедшее время...¹³»

Газданов пишет «На французской земле» в период перелома, когда стали, хотя бы в общих чертах, ясны причины и следствия постигшей мир катастрофы; разрозненные события, которыми жили люди, начали выстраиваться в цепочку. Для писателя настал тот самый «поворотный пункт, когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения»¹⁴. Именно в этот момент и рождается так называемое «место памяти», которое воплотилось в данном случае в документальную прозу.

Такая тесная связь «На французской земле» с памятью не исключает важность очерков для исторической науки. Перед нами взгляд на войну участника событий, подкрепленный реальными историями, фактами и портретами героев.

В науке не существует единого общепризнанного понимания истории и перечня изучаемых ею предметов. Известный философ Ортега-и-Гассет говорил: «Историк напоминает нам пахаря, который своими заскорузлыми пальцами пытается манипулировать тончайшей материей человеческой жизни. При кажущейся строгости подходов ко всему, что не представляется важным, его мышление в остальном, сущностном оказывается нестрогим, а то и произвольным»¹⁵. Эти слова отражают состояние исторической науки и сегодня. Различные группы ученых создают свои определения понятия «история», включая или исключая те или иные спорные аспекты. Одна из линий, основы которой заложили представители школы Анналов, базируется на понимании истории как науки о человеке. При этом в центре исследований последователей данной школы находится не деятельность великих людей, а общества в целом. «Исторические факты — это факты психологические по преимуществу. Стало быть, их antecedentes, как правило, являются другие психологические факты. Конечно, судьбы людей включены в мир физический и несут его бремя. Но даже там, где вмешательство этих внешних сил кажется наиболее грубым, их действие осуществляется только как направленное человеком и его разумом...» — пишет в своей книге «Апология истории» один из основоположников данного направления Марк Блок¹⁶. Движущей силой хода истории являются воля, разум, внутренние качества каждого отдельного человека, поскольку невмешательство, отказ от какого-либо действия, тоже влечет за собой определенные последствия.

Н. Г. Думова отмечает, что именно художественные тексты, созданные очевидцами, представляют особую ценность для изучения социальной психологии, внутреннего мира человека — его типа мышления, мировосприятия. Исследовательница подчеркивает, что

такие произведения способны помочь историку «проникнуть в психологическую атмосферу того времени и понять побудительные мотивы действий широких масс и отдельных личностей»¹⁷. Произведение Газданова — уникальный источник информации об атмосфере военного времени, о людях той эпохи, о принципах и целях, которыми они руководствовались в тех или иных обстоятельствах. Автор не просто показывает нам героев, он пытается понять мотивы их поведения.

Писатель рассказывает о жизни одной подпольной редакции. Газданов приводит сведения, касающиеся места расположения данного печатного органа, материалов, которые поступали в редакцию и т. д. Безусловно, эти данные должны представлять интерес для ученых, изучающих работу средств массовой информации во время войны. Но наше внимание прежде всего привлекают описания сотрудников. Автор рассказывает нам о некоей итальянке (он не называет имени), которая свободно владела французским и русским языками и, по словам писателя, «делала совершенно отчаянные вещи: скрывала на своей квартире сразу по несколько человек, сопровождала их во время их перемещений по Парижу и в провинции, возила оружие и вообще жила все время на той зыбкой и неверной границе, которая отделяла жизнь от смерти»¹⁸. Автор исследует причины, толкавшие героиню рисковать собственной жизнью. Только сильная психологическая травма может заставить человека игнорировать инстинкт самосохранения. Писатель так описывает героиню: «...женщина, некрасивая, дурно пахнущая, чьей добродетели, я думаю, никогда не угрожала никакая опасность... эта женщина теперь, в результате небывалого исторического катаклизма, который вызвал ее из мрачного и безысходного небытия, вела такую же страшную работу...»¹⁹

Газданов честен с читателем, он говорит то, что думает, может даже показаться, что автор не деликатен, но в данном случае он не описывает одну конкретную женщину, он рассказывает о некоем симптоме. Далее мы читаем: «Она поступала так потому, что без этого она не имела никакого *raison d'être* и ее существование было никому не нужно... чтобы спасти свою жизнь от безвыходной ничтожности, выполнялись важные поручения, формировались партизанские отряды — и стволы еще нескольких пулеметов возникали на дорогах, по которым следовали немецкие транспортные колонны; еще несколько поездов, груженных снарядами, сходили с рельсов и взрывались»²⁰.

У каждой болезни свои симптомы, и одним из симптомов войны стал выход на сцену людей, в силу каких-то обстоятельств не обретших в мирное время смысла жизни. Те, кто не нашел своего призвания, будь то в работе, религии или семье, увидели цель своего существования в борьбе против захватчиков и угнетателей. Из обывателей, влекущих свое существование по инерции, они превратились в тех, кто мог влиять на будущее. Само наличие данной группы важно для исторической реконструкции общества военного времени. Эту часть населения неверно было бы смешивать с рядом людей, которые лишились прежнего смысла жизни, семьи, друзей или работы, но нашли в себе силы, чтобы бороться. Автор нам

говорит об отдельном пласте общества, который образовался в силу разразившейся в Европе катастрофы. Для историков, социологов и психологов, безусловно, эта информация должна представлять огромный интерес.

Документальная проза Газданова наполнена подобными эпизодами. С их помощью автор сделал изображенных людей близкими, понятными читателю, как французскому, так и русскому. Писатель вел психологическое исследование, его интересовала природа героических поступков, в беседах с партизанами он пытался выделить те моменты, которые считал наиболее важными для формирования личности героев. Он искал в биографиях этих людей эпизоды, связанные с отказом от смирения, с возникновением внутренних сил для борьбы — не против кого-то, а борьбы за себя и за то, что дорого. Скорее всего, в процессе сбора сведений писатель осознал, что мир обладает большим количеством невыдуманных героев, которых не должны забыть, настоящих подвигов, которые не должны остаться незамеченными. Газданов не стал создавать роман, поскольку это менее соответствовало бы основной цели произведения — сохранить в памяти народа подвиги советских партизан. Ведь при прочтении документальной прозы у нас возникает совершенно иное чувство, нежели увлеченность рассказом о выдуманном персонаже. В процессе увлекательного чтения мы забываем, что речь идет о реальных людях, но в самые острые моменты мы оглядываемся на этот факт. Это заставляет нас чаще примерять на себя ситуацию, в которой оказался персонаж, и ощущать свою несостоятельность, неготовность к условиям военного времени. Мы острее чувствуем собственную отчужденность от описываемого мира. Так растет наше восхищение перед этими людьми. Память, о которой мы уже подробно говорили, рождается только из сильных, острых чувств. Поэтому представление писателем данного материала в форме документальной прозы представляется нам полностью оправданным. Память является для данного произведения первоосновой, но мы показали, что и в качестве источника исторической информации очерки «На французской земле» могут быть весьма полезны исследователю.

¹ Банк Н. Б. Нить времени: Дневники и записные книжки советских писателей / Наталья Банк. Л., 1978. С. 11.

² Некрасова И. Экзистенциальный опыт В. Шаламова в его «Новой прозе». Особенности документальной, автобиографической литературы (теоретический обзор). — Режим доступа: <http://shalamov.ru/research/158/3.html#n18> (дата посещения: 23.12.2012).

³ Явчуновский Я. Документализм в современной советской прозе // Советская литература. Саратов, 1969. С. 140.

⁴ Шкловский В. Избранное: В 2 т. Т. 2. М., 1983. С. 292.

⁵ Явчуновский Я. Документальные жанры. Саратов, 1974. С. 27.

⁶ Некрасова И. Экзистенциальный опыт В. Шаламова в его «Новой прозе». Особенности документальной, автобиографической литературы (теоретический обзор).

- ⁷ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. Роман. Рассказы. Документальная проза / Гайто Газданов; под. общ. ред. Т. Н. Красавченко, С. С. Никоненко и др. М., 2009. С. 597.
- ⁸ *Némirovsky I. Suite française. Dossier et notes réalisés par Lucile Sevin.* Barcelone: folioplus classiques, 2009. P. 479. — Наш перевод. — А. Б.
- ⁹ Гумилев Л. Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // Русская литература. 1972. № 1. С. 73–82.
- ¹⁰ Газданов Г. Собр. соч. Т. 2. С. 630.
- ¹¹ Там же. С. 696.
- ¹² Места памяти: Пьер Нора. Проблематика мест памяти. — Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата посещения: 23.09.2012).
- ¹³ Газданов Г. Собр. соч. Т. 2. С. 599.
- ¹⁴ Места памяти: Пьер Нора. Проблематика мест памяти.
- ¹⁵ *Ортега-и-Гассет Х. «Философия истории» Гегеля и историология / Метафизические исследования.* Вып. 2. СПб., 1997. С. 254.
- ¹⁶ Блок М. Апология истории. — Режим доступа: http://lib.ru/FILOSOF/BLOK_M/apologia.txt (дата посещения: 12.09.2012).
- ¹⁷ Думова Н. Г. О художественной литературе как источнике для изучения социальной психологии (на примере романа-эпопеи М. Горького «Жизнь Клима Самгина») // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1999. С. 112.
- ¹⁸ Газданов Г. Собр. соч. Т. 2. С. 629.
- ¹⁹ Там же. С. 630.
- ²⁰ Там же.

Balaban A. I. History and memory in documentary prose by Gaito Gazdanov.

ABSTRACT: The article analyzes the documentary series «On French soil» of Gaito Gazdanov, written after the Second World War in 1945. The work describes real participants, war heroes and events that happened to them during the military actions. Author makes an attempt to understand the choice of the documentary genre for the representation of the era. Author notes the possibility of application of documentary prose in historical researches. The article notices the importance of this work for preservation of collective memory.

KEYWORDS: Gaito Gazdanov, documentary prose, literature about the Second World War, literature as a historic source of information, sites of commemoration (memory sites).

AUTHOR: Ph.D. student, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg); alinabal87@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ *Bank N. B. Nit` vremeni: Dnevniki i zapisny'e knizhki sov. Pisatelej / Natal`ya Bank.* Leningrad, 1978.
- ² <http://shalamov.ru/research/158/3.html#n18>
- ³ *Yavchunovskij Ya. Dokumentalizm v sovremennoj sovetskoj proze // Sovetskaya literatura.* Saratov, 1969.

⁴ *Shklovskij V.* Izbrannoe: V 2 t. T. 2. Moscow, 1983.

⁵ *Yavchunovskij Ya.* Dokumental'ny'e zhanry'. Saratov, 1974.

⁶ *Gazdanov G.* Sobr. soch.: V 5 t. T. 2. Roman. Rasskazy'. Dokumental'naya proza / Gajto Gazdanov; pod. obshh. red. T. N. Krasavchenko, S. S. Nikonenko i dr. Moscow, 2009.

⁷ *Némirovsky I.* Suite française. Dossier et notes réalisés par Lucile Sevin. Barcelone: folioplus classiques, 2009.

⁸ *Gumilev L. N.* Mozhet li proizvedenie izyashhnoj slovesnosti by't` istoricheskim istochnikom? // Russkaya literatura. 1972. N 1.

⁹ <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>

¹⁰ *Ortega y Gasset J.* «Filosofiya istorii» Gegelya i istoriologiya / Metafizicheskie issledovaniya. Vy'p. 2. St.Petersburg, 1997.

¹¹ http://lib.ru/FILOSOF/BLOK_M/apologia.txt

¹² *Dumova N. G.* O xudozhestvennoj literature kak istochnike dlya izucheniya social'noj psixologii (na primere romana-e` popei M. Gor` kogo «Zhizn` Klima Samgina») // O podlinnosti i dostovernosti istoricheskogo istochnika. Kazan, 1999.